

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он, собственно говоря, не был карликом — в нем было верных метр пятьдесят пять. Уже не мальчишка: лет хорошо за тридцать, может быть, под сорок. Обвислые усы под хиппи времен Вьетнамской войны, круглые детские глаза, длинные, слегка засаленные курчавые волосы, скользящие по натянутым в кожу плечам. Он был весь затянут в черную кожу: косуха с бахромой по рукавам и блестящими бляхами по спине, свободные брюки, из-под которых высывались черные же сапоги с никелированными нашлепками и на высоком, по-настоящему высоком, каблуке. Хорошо, хорошо, я ошибся! Метр пятьдесят от макушки до пятки.

После второй кружки пива я вышел в туалет — как следствие выпитого и чтобы перевести дух от грохота, создаваемого на небольшом подиуме тремя музыкантами (хотя не уверен, подходит ли к ним это слово). Там-то коротышка и подошел. Он обратился ко мне на эстонском или финском, хотя при моем невежестве в языках финно-угорской группы я теоретически мог перепутать его и с мордовским. Но, скорее всего, говорил он по-эстонски, поскольку сцена происходила в подвале заведения под названием «Гитар Сафари» где-то в переулочках Старого Таллина. Так вот, коротышка подошел ко мне и что-то сказал на своем

наречии. Быстро уяснив, что я не понял, он сопроводил свое предложение жестом. Однако я снова не понял: то ли он выразил готовность оказать мне быструю услугу сам, то ли предлагал для аналогичных целей особу женского пола.

Помощь мне была нужна, но совсем иного рода, и о коротышке в этой связи я тогда не подумал.

Аведь мы заехали на денек-другой в Таллин просто отдохнуть! По крайней мере, так считали моя жена Джессика и наш восемнадцатилетний сын Бобби. Шли последние дни бабьего лета 2006 года: вроде бы недавно, но уже, считай, в совсем другом мире. Мы, пресыщенные Италией, Грецией, Испанией и прочими центрами европейской культуры, решили свозить отрока в ту неприметную часть Старого Света, где люди просто живут: вдали от войн, социальных потрясений, терактов и других деланий истории. Так считали не только Джессика и Бобби, но и я сам — и поэтому мы оказались по соседству, в Швеции. Разумеется, немного по делам, но главным образом для семейного отдыха.

Я, когда еду в другую страну, всегда думаю о тех, с кем бы хотел там повстречаться. Из близких мне великих в Швеции жили Ингмар Бергман, Август Стриндберг, ну и, пожалуй, Сведенборг. Однако, сколько мы ни бродили по Стокгольму, никто из них нам не повстречался. Вот тут меня и настиг — а теперь проще всего устанавливать связь через интернет, только по особым процедурам, — сигнал бедствия, посланный в Контору из Эстонии. Местные достопримечательности мы уже исчерпали, от Стокгольма до Таллина ночь пути, железная явка была назначена на вторник, так что я загрузил

свое семейство на паром и мы вместе пожили в Эстонии целых два дня. Это был один из редчайших случаев, когда удается сочетать приятное с полезным.

Для моего семейства у полезного была и официальная версия. По ней, после того как мы исчерпали на собственном опыте все, что Эстония может предложить обеспеченным американцам с более или менее оформленными культурными запросами, я решил задержаться в Таллине на несколько дней, чтобы обсудить детали возможного сотрудничества с крупнейшими туроператорами. Для тех, кто меня еще не знает: мое прикрытие — нью-йоркское турагентство Departures Unlimited для моих состоятельных и очень состоятельных сограждан. Так вот, если честно, делать им в Эстонии нечего! Я не хочу обижать неторопливых, обстоятельных и дружелюбных людей, которые живут в этой стране. Так, опять же, все представлялось тогда, теплой солнечной осенью 2006 года.

Однако мое агентство имеет две специализации. Первая — культурологическая: погружение в мир искусства в сопровождении лучших специалистов в области живописи, архитектуры, литературы, музыки и прочих никчемных занятий, тяга к которым в определенном возрасте обнаруживается у самых прагматичных и алчных королей недвижимости, ценных бумаг, страхования судоперевозок, производства попкорна и других полезных и прибыльных видов человеческой деятельности. Я давно подозревал — а потом эти предположения переросли в уверенность, — что интерес позднего возраста к культуре все же является неизвестной широким массам формой инвестиций. А ведь так и есть! Вам достаточно рассказать в гостиной у, скажем, Соломона Либермана, как вы с женой провели две недели среди

фантастически хорошо сохранившихся буддистских храмов, освобожденных археологами от всепоглощающих джунглей Камбоджи, чтобы новые приглашенные посмотрели на вас другими глазами. Из акулы безжалостного мира бизнеса вы превращаетесь в человека с душой, широко распахнутой навстречу бесполезному. А с таким человеком, как все понимают, нельзя торговаться за десятые доли процента. Он парит над суетными мелочами, и заинтересовать гражданина мира, охватывающего внутренним взором всю историю цивилизации, может лишь что-то грандиозное и даже — где-то на самом краешке, чуть-чуть — бескорыстное.

Такова одна часть наших клиентов: приятные, никогда не торгующиеся, не обязательно празднующие Песах и Хануку, иногда и Пасху с Рождеством. Люди, с которыми мы с Джессикой стали добрыми приятелями и которые не только многие годы отдыхают исключительно по программам Departures Unlimited, но и приводят к нам новых поклонников изящного.

Вторая часть клиентуры моложе и демократичнее. Это экстремалы — те, кому претят обычные виды отдыха и способы передвижения. Мы организуем для них полеты на дельтапланах в горах Греции, походы на яках в предгорьях Гималаев или гонки на оленьих и собачьих упряжках в тундре Лапонии (о них я и договаривался, пока мы были в Швеции).

Поэтому, как я уже сказал, ни для одних, ни для других клиентов моего агентства Эстония интереса не представляет. Ее основная притягательность в мире туризма состоит в ничтожной стоимости алкоголя по сравнению с Финляндией. Из Хельсинки до Таллина обычный паром идет три часа, но есть и такие, которые пересекают залив за полтора. Вы приобретаете за двадцать долларов

место для машины — а вас в ней может быть пятеро, — и таким образом уже с первого заказа выпивки на всю компанию вы, считай, поездку окупили.

Так что если в тихом, живущем размеренной буржуазной жизнью Таллине вы слышите — а вы это слышите постоянно — взрыв нечеловеческой радости или громогласную пьяную песню, не сомневайтесь: вот и соседи с той стороны залива. Проблема с главным турнаправлением у финнов одна: кто-то должен выехать с парома по возвращении в Хельсинки. Так что многие любители оттянуться покупают обычные палубные билеты: обходится немного дороже, зато никакой головной боли. Кроме похмельной, разумеется. Часть обстоятельств относительно перспективности Эстонии для Departures Unlimited Джессика усекла, а некоторые, к счастью для меня, нет.

Опять же для тех, с кем мы встречаемся впервые. Джессика в моей жизни — щедрая компенсация за все, что в ней было и есть плохого. Я, разумеется, не предполагаю, что в этом мире существует божественная справедливость или хотя бы система поощрений и наказаний. Ее, несмотря на все законы и суды, нет на земле и, я надеюсь, нет и на небесах. Я говорю «надеюсь», потому что иначе мне за Джессику придется расплачиваться морем слез, мгновенно сохнувших в раскаленном воздухе места, которое мне уготовано на том свете.

Вот один пример. Дня три назад... Нет, не три. Давайте посчитаем. Джессика с Бобби улетели в Нью-Йорк через Хельсинки в понедельник... Ух ты, значит, прошло уже пять дней. Так вот, в тот последний вечер мы ужинали вместе в обставленном под Средневековые ресторане «Олде Ханза», сразу за ратушей. Ну вы тоже бывали в таких — в Бельгии, Германии, Австрии или Дании.

Терраса освещена металлическими плошками, в них горит открытое пламя, еда и напитки подаются в глиняной посуде, меню написано шрифтом, стилизованным под готику, а обслуживают вас официантки в платьях из небеленого льна и в сабо на босу ногу. Мы приземлились в этом ресторане, поскольку он шел под номером один в списке заведений, не посетить которые, раз уж вы приехали в Таллин, никак нельзя (вторым номером, кстати, шел русский ресторан «Тройка»). Второе соображение: клиентам Departures Unlimited такие декорации нравятся, так что мы решили убедиться — на случай, если вдруг мы сюда кого-то все же пошлем, — что и кухня их не разочарует (меня не разочаровала, разве что в сваренное там же пиво с перцем я бы не стал добавлять корицу).

Короче, мы втроем уселись на крытой террасе из струганных досок, любуясь отблесками пламени на лицах друг друга. Бобби, совсем недавно выросший из благословенной поры увлечения рыцарями, замками и турнирами, задумчиво подергивал пробившийся пушок на верхней губе, поглядывая на миленьких японочек в шортах, проходящих мимо с разноцветными рюкзаками за плечами. Я дегустировал свое пиво с перцем, Джессика — какое-то белое рейнское (мы же все-таки были в стороне от Средиземноморья), а Бобби, продукт своего времени, звучно тянул через соломинку пепси со льдом. Мы никого не трогали и, заметьте, не собирались трогать, а в тот поздний для обеда и ранний для ужина час на дощатой террасе, кроме нас, сидели лишь две четы бодрых седовласых немецких пенсионеров с ослепительно белыми вставными челюстями и еще одна компания.

Вы, наверное, уже догадались, кто были нарушителями предзакатной идиллии. В Южном Бронксе это были бы пуэрториканцы, в Гарлеме — в паре десятков

кварталов от нашего буржуазного дома почти на углу Пятой авеню и 86-й улицы — темнокожие, а в Таллине... Ну вот, все уже усвоили! Только это были не финны, а финки. Три женщины лет сорока — сорока с небольшим, одна из которых была нормальной комплекции, вторая — маленькой худышкой, а третья — как две маленькие и в объёме, и чуть ли не по росту. Энергия активно расщепляемого алкоголя зажгла ярким румянцем их щеки, затащила особой полупрозрачной пленкой глаза и отяжелила члены. Но главное — хотя это и было напрямую связано с пробужденными активным метаболизмом телесными желаниями — и души трех граций на любой вкус теперь требовали романтики.

Первым проявлением естественного порыва была песня. Затянуть мелодию с родных брусничных болот дамы не захотели — они стремились сделать вдохновенный энтузиазм восторженных нордических душ максимально понятным для интернациональной публики. Вылился он через незабвенное: «Stand by Me». Поскольку всю глубину эмоций, всколыхнутых гимном времен их ранней юности, передать голосом дамам казалось невозможным, они щедро сопровождали вокал жестами — то прижимая руки к сердцу, то с широким размахом призывая к сопереживанию окружающих, менее рафинированных и восприимчивых к прекрасному.

Песня достигла пароксизма на повторе припева. Поскольку ни напряжения голосовых связок, ни выразительных, но повторяющихся движений руками уже не хватало, одна из дам — это была худышка, сидевшая ближе к нам, — схватила за спинку стул, на котором сидел Бобби, и наклонила его к себе. Стулья в заведении под старину были простые и массивные, на вид крепкие, но на двух ножках любой стул легко может потерять

равновесие. Наш сын, утративший контроль над собственным телом, в растерянности закрутил головой.

Джессика, сидевшая ближе, среагировала первой. Она вскочила, отцепила руку худышки, а затем ухватилась за спинку ее стула. В следующий момент та уже болтала ногами в воздухе. Я несвоевременно и бессмысленно поправил стул Бобби, вернувшийся в первоначальное положение. А моя жена, которая никогда не ограничивается полумерами, уже мягко, но непреклонно укладывала стул темпераментной финки на дощатый настил террасы, местами потемневший от прохода множества ног.

Песня стихла, худышка выписывала ногами неровные круги, пытаясь подняться, — на ней под короткой блестящей юбкой были кружевные трусики нежного салатного цвета. Подруги агрессорши подняли возмущенный гомон. Однако я — а я уже был готов к любому развитию событий — положил ему конец одним рыкающим «Shut up!». Подбежал метрдотель, однако, несмотря на его уговоры и обещания немедленно восстановить в своем заведении покой и гармонию, мы расплатились. Противоборствующие стороны — мы и слегка протрезевшие финки — удалились в разные переулки, лучами расходящиеся от Ратушной площади.

— Так закончилась Вторая Северная война — ничем! — прокомментировала Джессика, которая родилась в семье профессора Гарварда и получила прекрасное гуманитарное образование.

— Теперь мне наконец будет что вспомнить, когда речь пойдет об Эстонии, — отозвался Бобби.

Они с матерью прекрасно дополняют друг друга.

Теперь о задании. Один из наших бывших сотрудников подал сигнал SOS. Его звали Мати Имевер, он работал на Контору нелегалом в Скандинавских странах и дослужился до звания полковника. После распада Союза Мати, который, как вы догадались, был эстонцем, решил поселиться на родине, где и прикупил дачный домик на побережье. Поскольку Имевер был нелегалом, о его принадлежности к Конторе в Эстонии никто не догадывался. Однако в случае необходимости попросить помощь местных властей он не мог. На своей отныне независимой и суверенной родине он рисковал не только потерять пенсию, но и нарваться на судебное преследование. Так что он обратился к своим — к русским.

Какое до него дело Конторе? С прагматической точки зрения никакого. Сотрудник бывший, для работы интереса уже не представляющий. Строй поменялся. Эстония — иностранное государство, член Европейского союза и даже НАТО, то есть потенциальный противник. Жаловаться и возмущаться никто не будет. В общем, с какой стороны ни посмотри, у Конторы не было ни малейшей нужды реагировать на призыв о помощи отработанного материала. Однако — доказательство того, что я уже плохо представляю себе, чем они там живут в Лесу, — на сигнал бедствия Мати Имевера Контора

откликнулась немедленно. Хотя, возможно, потому, что этим агентом занимался лично Эсквайр.

Да, пару слов про него. Эсквайр (его кодовое имя для переписки), он же Бородавочник (так я его зову про себя из-за нескольких больших родинок, рассеянных по его длинному брезгливому лицу пресыщенного интеллектуала), — мой куратор в Конторе. И на мой взгляд, один из самых незаурядных умов, когда-либо попадавший в ее сети. Более того, он принадлежит к старой школе с ее кодексом чести, не всегда совпадающим с соображениями целесообразности и требованиями конъюнктуры. Для Бородавочника, знакомого со многими высшими творениями человеческого духа, примат и ценность каждой личности безусловен. Так что («Сейчас не война!» — как он иногда говорит) он скорее пожертвует выполнением задания, чем жизнью своего сотрудника или агента, не важно, действующего или бывшего. Наверное, именно поэтому многие такие, как я, то есть давным-давно внедренные, с налаженной благополучной жизнью на Западе, и не порвали еще пуговину, связывающую их с Конторой. И мне достаточно было получить короткое сообщение, сводящееся к двум ни к чему меня не обязывавшим словам: «Сможешь помочь?» — чтобы послать в ответ два других слова: «Какой разговор?»

Чем хороша разведка — на большинство из возможных случаев жизни у нее прописана процедура. Как именно Мати подал сигнал SOS, я не знаю, да это и не важно. Возможно, так же, как и я получил свой. Вы заходите из любого интернет-кафе в любой стране мира, например, на русскоязычный израильский форум любителей кактусов или аквариумных рыбок и оставляете сообщение с условной фразой. В принципе, в таком

сообщении можно даже эзоповым языком оговорить новые условия связи, однако, что понятно, так процесс усложняется. Обычно же время и место встречи с эмиссаром Центра, который должен примчаться на подмогу, были оговорены давным-давно и раз и навсегда. Это называется «железная явка».

В данном случае в ближайший вторник после отправки сигнала в 11:30 я должен был сидеть в холле таллинской гостиницы «Скандик Палас». Джессика с Бобби, как я и спланировал, улетели в Нью-Йорк в понедельник, а я, напоминая, должен был задержаться еще на несколько дней.

Отвлекаясь от воспоминаний и возвращаясь к печальной действительности, сегодня был вечер пятницы. Так что из графика, оговоренного с Джессикой, я пока не выбивался — ну так, чуть-чуть. Вот только уверенности, что я вообще попаду домой, у меня уже не было. В тот вторник я на эту тему и не думал, потом такая мысль появилась, потом она вернулась, потом поселилась в моей голове основательно, а теперь я уже вообще не очень понимал, каким чудом меня могло бы вынести из случившейся передрыги. Такая вот произошла эволюция в моей онтологической, гносеологической и эпистемологической картине мира. Я вас просто дразню — я и сам уже подзабыл глубинный и специфический смысл всех этих мудреных слов.

Итак, в прошлый вторник я сидел в холле «Скандик Палас» перед чашкой кофе со сливками и вчерашним номером лондонской «Таймс» — американских газет в Таллине я не видел. Поскольку явка была намечена именно в этом отеле, мы с Джессикой и Бобби, естественно, останавливались в другом — в «Вана Виру», непосредственно в Старом городе. Отсюда, правда, до средневекового лабиринта улочек и закоулков тоже было рукой подать — достаточно пересечь площадь и обогнуть церковь с голубой крышей. Но переселяться в «Скандик» я не собирался. Я по-прежнему числился постояльцем «Вана Виру», американским гражданином Пако Аррайей, а решать, продолжать ли это и как долго, мне предстояло после встречи с тем самым Мати Имевером.

Я оторвался от газеты и посмотрел на часы — 11:40, и никакого Мати на горизонте. В холле, кроме меня, мрачно пили из больших фужеров коньяк двое суровых насупленных мужчин, с виду дровосеков, что было бы довольно странно для четырехзвездочного отеля. Да еще в углу строго поглядывала на всех, изредка отрываясь от туристических проспектов, сухая дама лет за шестьдесят, в горчичного цвета блузке и тех же тонов длинной юбке. Вероятно, секретарша, нога в ногу прошагавшая последние тридцать лет со своим задержавшимся в номере боссом.

Подойти к бывшему агенту должен был я. Но для этого Мати, которого, естественно, в лицо я не знал, должен был читать книгу Наума Хомского, или Ноама Чомски, как его называют американцы. Знаменитого профессора-лингвиста из Массачусетского технологического института и, наверное, одного из крупнейших мыслителей XX века наряду с Берtrandом Расселом я видел и даже был как-то ему представлен. Лестное для меня событие произошло лет десять назад на предрождественской вечеринке в Гарвардском университете. Отец Джессики — пожизненный профессор этого прославленного учебного заведения. Про себя я зову его Какаду: он горбоносый, нахохленный, рассеянный и крикливый. Так вот, мы с Джессикой заехали, чтобы забрать его на машине: Какаду принципиально не водит и даже — что, в сущности, немислимо для американца — не имеет водительских прав. Элита элитного университета и приглашенные академические знаменитости из других бостонских вузов толклись — день был солнечный и теплый, как в бабье лето, — на лужайке среди кирпичных псевдовикторианских зданий. Небожители были похожи на стайку грачей: на всех были фраки, смокинги, на худой конец — черные вечерние костюмы с галстуками строгих тонов. Профессор Хомский чувствовал себя прекрасно в толстой вязки синем свитере, из-под которого торчал воротничок мягкой серой рубашки, и в отличие от остальных выглядел как старый архивариус. Я был им так очарован, что, вернувшись в Нью-Йорк, купил и прочел подряд три книги бунтаря американской политической мысли.

То, что Мати должен был прийти с книгой моего знаменитого мимолетного бостонского знакомого, — простое совпадение. Но сама идея была очень

разумной — «в Лесу не дураки сидят». Читателей Хомского не миллионы, это вам не Стивен Кинг, так что вероятность подойти в определенном месте в определенное время к случайному интеллектуалу-нонконформисту, согласитесь, чрезвычайно мала.

За подобными размышлениями и воспоминаниями прошло еще минут десять. Человек, вызвавший на встречу своего будущего спасителя, не спешил. Либо не смог выбраться вовремя. Либо, к счастью или к несчастью для него, моя помощь ему уже не требовалась. Хотя, если грозившая ему опасность полностью миновала, Мати, наверное, пришел бы убедиться, что Контора его не бросила и он может рассчитывать на нее и впредь. Мне же ничто не угрожало, и, учитывая, что для нашего агента выбраться на тайную встречу могло быть сложно, я был готов ждать его хоть час. Я заказал еще кофе и рюмочку местного ликера «Вана Таллин», который в советские — мои студенческие — времена считался изысканным, почти заграничным напитком.

Я уже пролистал всю «Таймс» и, чтобы убить время, вернулся на страницы культуры с намерением пополнить свои знания о ритмике и мелодике стиля гранж. Перелистывая газету, я заметил на себе взгляд престарелой секретарши. К моему удивлению, она не отвела его, встретившись с моими глазами, что обычно делают цивилизованные люди, застигнутые за пристальным разглядыванием соседей. Я опустил газету пониже: дама доставала из сумочки книгу Наума Хомского о Косово.

Могло ли быть такое совпадение? В полученном мною сообщении речь совершенно определенно шла о мужчине. Что, эстонские имена были загадкой не только для меня, но и даже в Конторе люди были не в состоянии отличить по имени мужчину

от женщины? Или же имя Мати, как, например, Клод или Доминик, одинаково произносится и даже пишется для особей обоих полов? Наконец, что тоже возможно, Мати — больной, раненый, боявшийся показаться на улице — не мог явиться на встречу сам и послал на нее жену или боевую подругу?

Я отложил газету и улыбнулся продолжавшей смотреть на меня даме широкой лучащейся улыбкой. Дама дернула плечом, открыла книгу, но уткнуться в нее не спешила. Я счел заминку приглашением начать разговор.

— О, вам тоже нравится Чомски? — перегнувшись к ней через подлокотник кресла, любезно сказал я по-английски, на этот же манер произнося фамилию профессора.

Только тут я заметил, что книга в руках дамы была на каком-то скандинавском языке, с подчеркнутым «о», шведском или норвежском — я в них не силен. Вот оно, невероятное совпадение? Дама продолжала молча смотреть на меня строгими, даже колючими глазами.

Первые слова, которые я только что произнес, не были паролем — я просто попытался гладко завязать разговор. Но даже если политологические вкусы дамы и наш условный знак были чистым совпадением, сказав теперь уже строго определенную фразу, я по-прежнему ничем не рисковал.

— Я в прошлом году вел семинар по Чомски в университете Веллингтона и очень рад, что моего учителя почитают и здесь.

Согласитесь, после такой фразы, сказанной в определенное время в определенном месте, сомнений в том, что я человек не случайный, оставаться уже не могло. В Таллине — бостонский ученик Хомского, — преподававший в Новой Зеландии!

Медленно, как бы нехотя, дама с сильным акцентом произнесла по-английски свою реплику в нашем незамысловатом спектакле:

— Я увлекалась лингвистическими трудами Ноама Чомски. Но его политические воззрения я нахожу возмутительными!

Знаете что? Придуманные кем-то гневные, но не лишённые юмора слова вполне подходили к ее облику.

— Вы позволите?

Я перегнулся к даме, чтобы взять из ее рук книгу. Она нехотя подчинилась.

— Это на каком языке? — продолжил я светскую беседу.

— Вы же на нем, судя по вопросу, не читаете. Тогда какая вам разница? — буркнула дама.

Она, хотя и пришла на встречу, от которой до моего дома было семь тысяч километров, вела себя так, как если бы я был докучливым ловеласом. Я присмотрелся к ней повнимательнее. Ей было не меньше шестидесяти пяти, возможно, намного больше. Подбородок подсох, обнажая глубокие борозды, идущие вниз от уголков губ. Кожа на шее тоже съезжилась, образовав две висящие, как у ящерицы, складки. Волосы она красила, но не в синий или рыжий цвет, как многие седые дамы, а в тот, что когда-то, наверное, был естественным. В молодости она была блондинкой и наверняка прехорошенькой. А сейчас она была похожа — и по колориту, и по худобе, и по быстроте движений — на беспокойную, испуганную белую мышь.

— Вас послал Мати? — напрямую спросил я.

Дровосеки, звучно рыгая в унисон, недавно ушли, и мы в холле оставались совсем одни. Только за администраторской стойкой сустились две миленькие девушки в крахмальных белых блузках.

— Мати — это я, — так же недовольно пробурчала дама.

— Хм... Разве это не мужское имя?

— Мужское.

— И...

Дама раздраженно дернула плечом. Для нее это был, похоже, привычный жест — другие в таких случаях любезно улыбаются.

— А вам не все равно?

Она вставала.

— Я приехала на машине. Но водить не люблю. Вы можете сесть за руль?

— Без проблем.

Я открыл принесенный мне счет в папочке из тисненой кожи и вложил в нее соответствующую купюру. Когда я поднял голову и встал, Мати — или как там ее звали — в холле уже не было.

Не было ее и на улице. Я растерянно огляделся — она не могла раствориться в воздухе. Но тут открылась дверца припаркованного в плотном ряду машин «Форда-Фиесты» некогда ярко-синего, а теперь изрядно выгоревшего цвета, и голос Мати недовольно спросил:

— Вы едете или нет?

У женщин в машине часто царит домашний уют. Все чистенько, аккуратно расставлено: подставка для мобильного телефона, ручечка, блокнотик, мягкая игрушка под задним стеклом. В «форде» Мати все было покрыто пылью и не было ни малейших индивидуальных принадлежностей: ни ароматизатора, ни наклеек, ни антистресса. Такие машины обычно берешь напрокат, только без царапин на торпедо.

Прежде чем завести двигатель, я залез в карман. Вся моя жизнь содержится в наладоннике самой

известной фирмы. Один такой я пару лет назад утопил в Индии, но, к счастью, я всегда делаю бэкап всей системы, всех программ и всех баз данных на свой домашний компьютер. Так что мои контакты, карты, словари, с десятков книг и дисков, куча фотографий, распорядок жизни на ближайшие месяцы, а также неразумное количество более или менее бесполезных прикладных программ по-прежнему со мной. Такова видимая часть айсберга, правда, в отличие от айсберга, бóльшая.

Кроме нее, в компьютере есть несколько софтов особого свойства. Именно один из них я и запустил. Это такой определитель электронных устройств, на раз выявляющий «жучки».

Мати, склонив голову набок, с интересом наблюдала за мной. Стрелочка, вращающаяся по циферблату, оставалась, включив зеленый огонек.

— Можем спокойно говорить, — сообщил я своей коллеге.

Мати теперь дернула плечом, как бы говоря: «Напримывали себе игрушки! Что дети». Она пристегнулась, вытянула ноги и коротко скомандовала:

— Выезжайте из паркинга и направо.

Я, собственно, ничего другого от нее и не слышал в ближайшие три минуты.

— Теперь снова направо. Опять направо.

Мы вновь проезжали мимо «Скандик Палас». Мати проверялась.

— Теперь прямо! — с видимым облегчением сказала она и откинулась на спинку сиденья.

— И куда мы едем? — дружелюбно, как бы не замечая ее почти раздраженного тона, осведомился я.

— Я буду говорить, как ехать.

Английский у нее был ужасный. Вернее, ужасным был акцент, словарный запас у Мати был приличным, и пользовалась им она достаточно бегло.

— Мы можем говорить по-русски, если хотите, — на этом же языке предложил я.

— Я не говорю по-русски, — по-английски отрезала Мати. — Можем говорить по-эстонски, по-фински, по-шведски или по-норвежски!

Нет, я ей положительно не нравился.

— Я же не прошу вас говорить на этих языках, — продолжала Мати. — Хотя мне на них общаться проще.

Может быть, у нее язва желудка? Или гастрит? По опыту знаю, что таких людей — вечно брызжащих, источающих желчь всеми порами — надо осаживать, иначе они с каждой минутой распоясываются все больше и больше. Горького выплюнут, сладкого проглотят, как сказал бы мой учитель Петр Ильич Некрасов.

— Послушайте, Мати, или как там вас зовут, — не отводя глаз от загруженной улицы, произнес я. — Если я перед вами успел в чем-то провиниться, скажите мне. Если нет, я не понимаю, чем я заслужил такой тон. Я вас не устраиваю? Скажите мне, и расстанемся друзьями!

Знаете, что она сказала в ответ?

— Так-то вы стремитесь помочь женщине, которая попала в беду?

Какое-то время мы ехали молча. Я даже не спрашивал, надо ли мне поворачивать на перекрестках.

— Вы поехали не в ту сторону, — первой нарушила молчание Мати.

— А я не имею ни малейшего представления, куда ехать, — совершенно обоснованно заметил я.

— Спросили бы.

Нет, давно мне не попадались такие экземпляры!

— Хотите сами сесть за руль? — огрызнулся я.

— Это не в ваших интересах. — Мати посмотрела на меня, и лицо ее вдруг приняло почти человеческое выражение. — Пока я сегодня утром ехала в Таллин, со мной дважды чуть не случился сердечный приступ. Я очень пугаюсь, когда меня обгоняют, особенно такие длинные, как гусеницы, грузовики. Поэтому я стараюсь ехать быстрее, но скорость меня тоже пугает, и я замедляю ход. И тогда меня снова начинают обгонять. Если поведу я и со мной все-таки случится инфаркт, вы рискуете больше.

— Мати, — я снова почувствовал нелепость ситуации, — послушайте, как мне вас называть? Что, правда Мати?

— А чем плохо это имя?

— Оно же мужское, вы сами мне сказали.

— А вы собираетесь на мне жениться?

— Нет, не собираюсь.

Мати порылась в сумочке, извлекла из нее носовой платок и зычно высморкалась.

— А! Зовите меня как хотите, — сказала она, пряча платок обратно в сумочку.

Мы выезжали из города по Нарвскому шоссе. Я здесь раньше не бывал — просто так было написано на указателе.

— Пусть будет Мати, — сказал я. Мне хотелось сделать заход с другой, человеческой, стороны. — Мати, удовлетворите мое любопытство. Вы действительно полковник?

— Действительно, — важно кивнула головой Мати. — У вас.

Интересное уточнение. Что, была разведка, в которой она дослужилась до генерала?

— А вы в каком звании? — скрипучим голосом осведомилась она.

Я расхохотался:

— Вы хотите командовать мною на основании Устава сухопутных войск?

Взгляд Мати чуточку потеплел.

— Никто вами не командует. У меня такой стиль общения с людьми.

— И людям он нравится?

Хм! Мне показалось или Мати действительно улыбнулась? И не нашла что ответить.

Мы выбрались на трассу. Это такой эвфемизм! Трасса представляла собой разбитую двухрядную дорогу, которую начали расширять, а потому сузили до предела.

— Так что у вас стряслось? — перешел к делу я.

— Меня хотят убить.

— Вам угрожали?

Мати кивнула:

— Мне подбрасывают дохлых белых мышей.

Я и виду не подал, что сразу вспомнил свое первое впечатление о ней.

— При чем здесь мыши?

Мати поджала губы и промолчала. А что она должна была сказать: «Потому что я похожа на белую мышь»?

— Вы живете в отдельном доме? — продолжил расспросы я.

— Да.

— Может быть, ваша кошка приносит вам подарки с ночной охоты? Но из гигиенических соображений оставляет их на улице? — резонно предположил я.

— У меня нет кошки, — отрезала Мати, досадуя на мою тупость. — И мыши белые.

— Ну тогда, возможно, кошка соседей набрела на биологическую лабораторию где-то поблизости.

Мати не отреагировала никак. Она вытянула ноги и отвернулась, уставившись в боковое окно. Истолковать это можно было лишь одним-единственным образом: раз человеческую речь я не воспринимаю, говорить со мной бесполезно.

Мы ехали в полном молчании минут десять. Атмосфера становилась нестерпимой.

— Нам далеко еще? — не выдержал я.

— Вы куда-то спешите? — дребезжащим от сдерживаемого гнева голосом спросила Мати.

Она что, нарочно провоцирует ссору? Я физически ощущал, как в моих нервах — этих электрических проводах, опутывающих организм, — напряжение неуклонно возрастало. «У нее съехала крыша, — говорил я себе. — Белые мышцы! И что мне теперь делать? Констатировать *casus incurabilis* и возвращаться в Штаты? А что еще остается?» Я решил все же отвезти Мати домой. Да и не вылезать же мне из машины посреди полей?

— Вы думаете, что я сумасшедшая, — вдруг миролюбиво промолвила Мати. — Потерпите до Вызу.

Я с недоумением повернулся к ней.

— Вызу — это поселок, где я живу, — пояснила она. — Нам осталось километров сорок.

Если вы никогда не бывали в Прибалтике, я скажу, что, на мой взгляд, составляет в ней главную прелесть. Это не море. Оно, конечно, всегда затягивает взор, а на берегах здесь еще и дюны из мелкого сыпучего белого песка, высокая трава с дымчатыми метелками, пьянящий йодистый запах разлагающихся водорослей, оставленных отливом, печальные крики чаек и шум ветра в верхушке прибрежных сосен. Но вы пробовали в Балтийском море купаться? Если вода прогрелась до семнадцати градусов, местные жители не вылезают из нее, радуясь неслыханной жаре. Только чтобы оказаться в воде, нужно либо сразу лечь, либо идти через три-четыре мели, пока она не поднимется вам до плеч. Однажды, еще в советское время, я пробовал так отдыхать — на Рижском взморье, с родителями; у меня, несмотря на восторженность и покладистость детства, получалось плохо.

Так вот, притягательность этих неброских, изысканно блеклых, просящихся разве что на акварель краев не море. Настоящая душа Прибалтики, по моему мнению, живет в борах. Когда я попадаю в них, мне приходится брать себя за руку и уводить оттуда силой. Редкие сосны с прогретыми солнцем стволами испускают ни на что не похожий, завораживающий запах смолы. Никакого бурелома, нет и подлеска с густым